

НАЦИОНАЛЬНАЯ (ЭТНИЧЕСКАЯ) КНИГА В ЕВРОПЕ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

KRZYSZTOF MIGOŃ

Uniwersytet Wrocławski, Instytut Informacji Naukowej i Bibliotekoznawstwa
Pl. Uniwersytecki 9/13, 50-137 Wrocław, Polska
Email: migon@kn.pl

В статье рассматривается понятие «национальная (этническая) книга», предлагается историческое и теоретическое осмысление этой проблемы. Приводятся статистические данные и примеры из истории книги разных народов. Обращается внимание на некоторые методологические принципы изучения вопроса этнической книги. Делается вывод, что «национальная (этническая) книга» как понятие и научная категория для книговедения является чётким инструментом исследования и оценки участия отдельных наций и этнических групп в создании всеобщей книжной культуры и человеческой культуры в целом.

Ключевые слова: национальная (этническая) книга, книжная культура, методологические принципы изучения этнической книги, книговедение.

Понятие национальной (этнической) книги относительно редко используется в книговедческой литературе и не имеет точного и постоянного значения (см. например разные определения отдельных авторов в статьях Е. А. Динерштейна, Н. Г. Малыхина, А. С. Мыльникова) [5; 7; 9]. Одновременно конкретная книга, издательский репертуар, книжное собрание, книжная культура в целом являются преимущественно продуктом данного народа и в первую очередь этому народу служат. Разумеется, это не исключает международных связей и функций книги и книжного дела. Только в двух областях книжной теории и практики вопрос об этническом, иногда

государственном, статусе книг ставится более четко: в национальной библиографии, а также при определении и реализации задач национальных библиотек.

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос: можно ли национальную (этническую) книгу трактовать по аналогии с национальной литературой или с этнической музыкой? Нуждается ли в таком понятии книжное дело и книговедение как наука? Каковы признаки этнической книги? Какие элементы книги и системы книжного дела могут служить ее границами?

Понятие национальной книги родилось одновременно со становлением современных наций (народов) и развитием

литературных языков. Поэтому начало национальной книги в Европе связано с эпохой Ренессанса и Реформации – XV–XVI вв., когда появились первые печатные книги на этнических языках. Лииви Аарма (Liivi Aarma), характеризуя первые эстонские книги (XVI в.), отмечает (в переводе с английского): «Письменная коммуникация является одной из основных вех истории каждого народа. Без письменной речи не может существовать народ, национальный язык, нет учебников и научной литературы, нет просвещения». Исследовательница цитирует слова эстонского поэта Хандо Руннеля (Hando Runnel): «Письменность появилась вместе с Церковью, народ родился благодаря книгам» [11, 48].

В эпоху Возрождения начинается первая, основная, фаза зарождения национальной книги в Европе. Уже в XV веке вышло из печати 7079 изданий на национальных языках (четвёртая часть всей книжной продукции этого времени), в том числе – 2342 на немецком, 2151 – на итальянском, 1259 – на французском и т.д., а также по одной книге на бретонском, датском, фризском и сардском языках [13, 27]. В XVI веке продолжает возрастать роль национальной книги, доля которой в европейской книжной продукции достигает 42 % [25, 435]. Позже, в XIX столетии, наступает вторая значительная фаза развития национальной книги. Сейчас, в начале XXI века, можно наблюдать следующую, третью, фазу истории национальной (этнической) книги в Европе. Это связано с общеевропейским

движением “ethnic revival” (этнического возрождения).

Вопрос об определении национальной книги – сложный и многогранный, ибо (1) нет согласия среди историков, лингвистов, политологов, культурологов, какие признаки конституируют нацию и какие необходимы для характеристики народности, этнической группы и т.д.; (2) какие свойства книги – на уровне издательского репертуара, книжного собрания, единичного экземпляра – обуславливают её принадлежность конкретному этносу.

Можно предположить, что самым важным критерием является язык книги, а также язык её потребителей. Еще в конце XVI века это хорошо понимал Микалоюс Даукша, который в *Предисловии*, обращенном к *любезному читателю*, к литовскому переводу католической *Постиллы* Якуба Вуека (1599), представляя значение родного, т. е. литовского, языка писал (на польском языке!): «Знаю, что все народы ценят, любят и дорожат произведениями, написанными на родном языке (поэтому, полагаю, все народы и поощряют переводы книг с других языков на свой)». Он развернуто объяснил функции родного языка: «На этом языке обычно все пишут законы, на нём издают истории, старые и новые, своего и чужих народов, на нём обсуждают все государственные дела, его используют, красиво и с достоинством, по разным случаям в Церкви, на службе, дома» [3]. Современный исследователь Инга А. Шомракова пишет: «Формирование этнической культуры связано с язы-

ком – он занимает среди всех компонентов первое место. Язык – знак принадлежности его носителей к определенному этносу и одновременно инструмент сохранения этноса. Исходя из этого, рискнем высказать предположение: язык книги (язык письменного памятника) – главный критерий при определении национальной книги» [10, 19].

Разумеется, критерий языка может быть только исходным пунктом в попытках определения понятия «национальная книга». Многие языки обслуживают разные этносы: английский в функции национального языка выступает не только в Великобритании, США, Канаде, Австралии, но также в Индии, Республике Южной Африки и в отдельных странах всего мира; или французский – в части Бельгии, Швейцарии, во франкофонской Африке; испанский – в Латинской Америке; немецкий как национальный язык Австрии и отчасти Швейцарии и т.д. Принадлежность книги определенному этносу не сводится к вопросу языка. В ходе развития обществ, языков и литератур образовались такие сложные конструкции, как «русскоязычная татарская книга», «российскоукраинская еврейская книга», «литовская книга на польском языке» и др. Исторические примеры и современная ситуация свидетельствуют о том, что национальная книга может оказаться многоязычной. Ярким примером служит словацкая книга [29], не говоря уже о еврейской книге [26]. Правилom, а не исключением является тот факт, что у истоков национальной пись-

менности и книги многочисленных стран Европы находятся латинский и церковнославянский языки. Наглядным примером могут служить хорватская письменность и традиции хорватской книги (любопытно, что выставка, проходившая в берлинской Государственной библиотеке в 2002 г., памятников хорватской письменности и печати носила название «Три письменности – три языка») [15; 27].

Необходимо принять во внимание и разные другие исторически обусловленные ситуации. Это относится ко многим случаям – к истории белорусской книги [4; 6], к современной книге государства Израиль и. т. д. Нередко национальный статус книги (и разного рода книжных собраний) определяется её принадлежностью произведениям духовной и материальной культуры. Определяющую роль здесь играют следующие факторы: содержание, письмо и типографский шрифт, издательское оформление, дизайн, а также место издания, читательский адрес и др.

На основании вышеизложенных и многих других мнений, а также сомнений, которые мы не рассматривали детально, попытаемся дать следующее определение категории «национальная (этническая) книга»: «Это понятие, обозначающее принадлежность книги данной национальной культуре, иногда культуре группы народов, характеризующихся общностью происхождения или традиций (например, славянская книга, скандинавская книга); главный критерий принадлежности – язык книги и её авторство (авторство не только

и не столько! текста произведения, но книги в целом как продукта духовной и материальной культуры), а также предполагаемый читатель. Понятие национальной (этнической) книги охватывает всё книжное творчество и всю книжную продукцию данного народа (народности, этнической группы) вместе с иностранной словесностью, которая, будучи переведенной и изданной, обогащает ресурсы национальной (этнической) книги (в этом смысле, например, сочинение французского автора, переведенное на польский язык и изданное для польского читателя, становится польской книгой).

В вышеуказанном широком понимании категория «национальная (этническая) книга» в книговедческой литературе используется редко. Чаще оно появляется как эквивалент понятий «книга национальных меньшинств», «книга (небольших) этнических групп» (так, в США используется наименование “ethnic book” или в СССР – «напечатать»), «книга из эмигрантской и иммигрантской среды».

Чрезвычайно трудно обобщенно представить внешние условия, определяющие состояние национальной (этнической) книги в отдельных странах на протяжении конкретного периода времени. Это замечание касается также и ситуации в Европе конца XIX и начала XX века. Безусловно, книжная продукция, книжный рынок, спрос на книги объяснимы общим политическим, идейным, экономическим,

культурным, религиозным контекстом, нередко традицией (неслучайно некоторые нации называют «книжными народами», ибо их книжные традиции сильнее, чем у других), а также фактами, процессами и институтами, непосредственно связанными с книгой – культурной политикой, литературным и научным творчеством, цензурой, экономическими условиями деятельности издателей, печатников и книготорговцев, образованием и потребностями читателей.

XIX век отличался бурным, подчас стихийным ростом книжной продукции. По подсчётам, осуществленным Международным Библиографическим Бюро в Брюсселе (Paul Otlet, Boleslaw Iwiński) и представленным Болеславом Ивиньским в 1910 г. на Международном конгрессе библиографии и документации, в 1800 г. в мире издано 18 646 книг, в 1908 – 190 000 [20; 24]. Это свидетельствует о десятикратном увеличении числа изданий в течение столетия. Тенденцию постоянного роста подтверждают некоторые выборочные статистические данные:

1. Книжная продукция в мире XIX–начала XX вв.

1800	18 646
1828	27 038
1858	65 190
1887	100 000
1900	158 888
1908	190 000

2. Данные об изданиях европейских стран за 1887, 1898 и 1908 гг.

	1887	1898	1908
Германия	15 972	23000	30 317
Австрия	1166	–	–
Швейцария	1045	–	–
Франция	12 901	14 781	8799
Италия	11 161	9670	6918
Россия	7366	11 548	23 852
Англия	5686	7516	9821

Цифровые данные немного говорят о состоянии национальной (этнической) книги в разных государствах. Только на основании тщательного изучения национального вопроса в отдельных странах Европы и ситуации книги в них есть возможность получить полную картину. Предварительные тезисы, касающиеся национальной (этнической) книги в Европе конца XIX–начала XX века, могут быть сформулированы следующим образом. Меандры экономической, политической и культурной жизни отдельных европейских этнических сообществ были причиной неравномерного развития их письменности и становления национального книжного дела. Типология явления представляется нам в рамках 4 основных групп стран-народов-языков и в конечном итоге своеобразного, типового национального книжного дела.

1. В конце XIX столетия в европейской культуре книги замечаем бесспорный порядок: преобладает издательская продукция на «самых больших» (по числу потребителей) языках Европы, которые одновременно исполняют роль государственных языков несколь-

ких великих держав. Первое место постоянно занимает Германия или – точнее – немецкоязычные государства (также Австрия, частично Швейцария) и пользующиеся немецким языком группы населения во многих странах континента [12]. На следующих местах очерёдность меняется в течение столетия, но постоянное значение французского, русского, английского и итальянского языков на книжном рынке всё время неоспоримо.

2. Гораздо скромнее в европейском книжном репертуаре участвует книга народов и государств, которые стали независимыми только в XIX веке. Это касается Румынии (в 1898 г. 1862 издания), Болгарии (в 1900 г. 1073), Сербии (в 1888 г. 258), Греции (в 1897 г. 53) [2; 20; 23].
3. По-другому книжная ситуация складывалась у тех народов, которые не были самостоятельными с политической точки зрения, но сохранили богатые литературные традиции и пользовались, в определённой степени, культурной автономией (например, Польша, Чехия, Венгрия).

4. В XIX столетии можно заметить новое явление: в конце века у многих зарождающихся наций во многих странах Европы наблюдается количественный рост и качественное развитие книги и книжного дела. «Новая» этническая книга тогда ещё отсутствует в международной книжной статистике, но постоянно расширяет границы влияния, приобретает читателей и исполняет основную роль в национальном возрождении. Ряд ярких примеров может подтвердить эти процессы.

На территории Российской империи начинается, сначала медленно и в крайне трудных условиях, позже быстрее, развитие или возрождение эстонской, латышской и литовской книги; свою книжную культуру создают белорусы и украинцы (последние также и в государственных пределах Австрии) [22]. На рубеже веков четвертую часть всей книжной продукции России составляли книги не на русском, а на других языках (в абсолютных числах в 1887 г. 1924 издания из 7366, в 1903 г. 3925 изданий из 15 947) [8, 136 и 203].

На Балканском полуострове – в Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии и Македонии – в XIX столетии начинается бурное развитие южнославянского книжного дела, имеющего в некоторых случаях долгие традиции [23].

Во Франции и в Испании наступает новая эпоха самосознания национальных меньшинств. В департаменте Финистер (Finistère, лат. finis terrae = конец земли) возникает местное национальное дви-

жение, так называемый «бретонский ренессанс XIX столетия», ознаменованный быстрым развитием этнического книжного дела. В городе Морле (Morlaix) только один печатник-издатель Александр Ледан (Alexandre Lédan, а позднее его сын Франсуа-Мари-Александр (François-Marie-Alexandre) с 1805 по 1880 г. выпустили в свет свыше 400 книг на бретонском языке [21, 386]. Первая печатная книга на баскском языке была издана в Бордо в 1545 г. Развитие книжного дела началось уже в 18-ом столетии, но только в течение XIX и в начале XX века баскская письменность окончательно сформировалась и нашла соответствующее отражение в разных типах книги [16, 221]. На каталанском языке печатали уже в эпоху инкунабулов (Валенсия, 1490) и в течение следующих столетий, но новый импульс для развития национального книжного дела пришёл со стороны «каталанского ренессанса» (Renaixença catalana) возникшего в конце XIX века в Руссийоне (Roussillon), во французской части Каталонии [14, 465].

Обратим внимание на некоторые методологические принципы изучения вопроса этнической книги.

Немецкий социолингвист Гаральд Гарманн (Harald Haarmann) в своей книге *Элементы социологии малых языков Европы* (1979) пишет: «Печатная продукция письменных языков является мерилем их социокультурной продуктивности» [18]. Тот же автор в книге *Балканская лингвистика* предлагает изучать печатную продукцию с точки зрения соотношений между:

- а) книгами и брошюрами с одной стороны, и периодикой с другой,
- б) числом изданий и их общим тиражом,
- в) оригинальной и переводной литературой,
- г) беллетристикой и литературой факта (нем. Sachliteratur),
- д) изданиями одно- и двуязычными [17].

В свою очередь, американский исследователь Кеннет Шиэре (Kenneth Shearer) из Университета Северной Каролины, пытаясь ответить на вопрос о том, «сколько интеллектуального капитала накоплено в главных языках человечества» (1985), составляет анкету с множеством вопросов, касающихся книжной продукции (количество изданий, издания по языкам и по предметным группам, тираж, школьные учебники, детская книга, переводы и т. д.), а также периодики и библиотек [28].

Некоторые вопросы, касающиеся книговедческой перспективы, имеют, на наш взгляд, фундаментальное значение. Исследование (данной) национальной (этнической) книги (внимание: *pars pro toto!*) должно начинаться с выяснения условий её возникновения, этапов развития, определения типовых признаков содержания и внешней формы (оформления). Такого рода изучение немислимо без исторического подхода и без понятийного аппарата многих научных дисциплин. Разные явления в области книжной культуры требуют не только количественных методов, но и содержательной интерпретации (имеется

в виду, например, книжная политика, правовое регулирование системы книги, этнические традиции и правила обращения с книгой).

При создании полной картины исторического развития и современного состояния национальной книги в Европе должны учитываться эти и другие параметры. Как в Европе, так и во всем мире, этническая карта (картина книги) и книжное дело не представлены в своей целостности. С другой стороны, мы располагаем большим количеством данных, отдельных элементов для построения такой карты; существуют различные библиографические и статистические материалы, обширная биографика работников книжного дела, мемуары, переписка и т. д. Всё это, к сожалению, находится в разрозненном виде, не систематизировано. Это затрудняет разработку поставленного нами вопроса.

Представляется очевидным, что «национальная (этническая) книга» как понятие и как научная категория является для книговедения необходимым инструментом исследования и оценки участия отдельных наций и этнических групп в созидании всеобщей культуры книги и, следовательно, человеческой культуры в целом.

Этот краткий текст не является итогом большой, систематической работы; считаю его исключительно постановкой вопроса, предложением расширить и обогатить потенциал современного книговедения как науки, исследующей одну из важнейших областей социальной коммуникации.

ССЫЛКИ

1. *Беларуская думка XX стагоддзя: філасофія, рэлігія, культура: (анталогія)*. Укл. Ю. Гарбінскі. Варшава 1998.
2. ГЕРГОВА, А. Книгоиздаването в България след Освобождението. In *Българска книга: енциклопедия*. София; Москва, 2004, с. 234–236.
3. ДАУКША, М. *Предисловие к любезному читателю* к литовскому переводу католической *Постиллы* Якуба Вуека (1599). Доступ к русскому переводу через Internet: <<http://viduramziu.istorija.net/etno/dauksa-ru.htm> [24 марта 2009].
4. ДЗВОНЧЫКАЎ, В. Е. Беларуская кніга: падыходы да вызначэння зместу і аб'ёму паняцця. In *Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: зборнік навуковых артыкулаў*. Ч. 1 Мінск, 2006, с. 13–19.
5. ДИНЕРШТЕЙН, Е. А. О понятии «национальная книга». In *Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Вторая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Секция национальной книги: тезисы докладов*. Москва, 1974, с. 11–22.
6. *Кніга Беларусі, 1517-1917: зводны каталог*. Мінск, 1986.
7. МАЛЫХИН, Н. Г. Национальная книга народов СССР. In *Книга и культура*. Москва, 1979, с. 50–60.
8. МУРАТОВ, М. В. *Книжное дело в России в XIX и XX веках: очерк истории книгоиздательства и книготорговли 1800–1917 годы*. Москва; Ленинград, 1931.
9. МЫЛЬНИКОВ, А. С. Книга и национальная культура. *Книга* (Москва), 1990, т. 61, с. 48–60.
10. ШОМРАКОВА, И. А. Проблемы национального книжного дела. *Книга* (Москва), 1991, т. 63, с. 17–22.
11. AARMA, L. The first Estonian books and Reformation. In *Starptautiska konference "Latviešu grāmata un bibliotēka: 1525–2000"*, 8. 11. 2000–11. 11. 2000. Rīga, 2000, p. 48–60.
12. BARBIER, F. *L'empire du livre: Le livre imprimé et la constitution de l'Allemagne contemporaine (1815–1914)*. Paris, 1995.
13. BARBIER, F. Die erste Medienrevolution. Erfindung der Druckerei und Vervielfältigung der schriftlichen Sprachen in Europa von der Mitte des 15. bis zum Beginn des 16. Jahrhunderts. In HABERLAND, D. (Hrsg.) *Buch- und Wissenstransfer in Ostmittel- und Südosteuropa in der Frühen Neuzeit*. München, 2007, p. 23–47.
14. BELLEDENT, F.G. Catalan, livre en. In *Dictionnaire encyclopédique du livre*. Paris 2002, t. 1 p. 464–466.
15. *Drei Schriften, drei Sprachen*. Kroatische Schriftdenkmäler und Drucke durch Jahrhunderte. Zagreb, 2004.
16. GLÉNISSON, J. L. Basque, livre en. In *Dictionnaire encyclopédique du livre*. Paris, 2002, t. 1, p. 218–222.
17. HAARMANN, H. *Balkanlinguistik*. Tübingen, 1978, Bd. 2.
18. HAARMANN, H. *Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas.*, Hamburg, 1979, Bd. 2.
19. HROCH, M. *Małe narody Europy: perspektywa historyczna*. Wrocław, 2003.
20. IWŃSKI, B. *La statistique internationale des imprimés*. Bruxelles, 1911 (Institut International de Bibliographie. Publication № 109).
21. LE MENN, G. Breton, livre en. In *Dictionnaire encyclopédique du livre*. Paris 2002, t. 1, p. 384–386.
22. MAGOCSI, P. Nationalism and National Bibliography: Ivan E. Levyts'kyi and

Nineteenth-Century Galicia. *Harvard Library Bulletin*, January 1980, vol. 28, number 1, p. 81–109.

23. MARINELLI-KÖNIG, G. Buchgeschichte der Südslaven: Eine Einführung und ein Forschungsbericht. *Mitteilungen der Gesellschaft für Buchforschung in Österreich*. 2006 – 1, p. 27–69.

24. MIGOŃ, K. Bolesław Iwiński i międzynarodowa statystyka druków. In *Studia bibliograficzno-bibliologiczne: praca zbiorowa dla uczczenia 45-lecia pracy naukowej Profesora Wiesława Bierkowskiego*. Kraków, 1995, p. 209–219.

25. NEDDERMEYER, U. *Von der Handschrift zum gedruckten Buch*: Schriftlichkeit und Leseinteresse im Mittelalter und in der frühen

Neuzeit: Quantitative und qualitative Aspekte. Bd. 1–2, Wiesbaden, 1998.

26. PILARCZYK, K. Poliglotyzm książki żydowskiej. In *Żydzi i judaizm we współczesnych badaniach polskich*. Kraków 1997, t. 1, p. 401–412.

27. *Pisana riječ u Hrvatskoj*. Zagreb, 1985.

28. SHEARER, K. How much Intellectual Capital is Banked in the Principal Human Languages? *International Library Review*, 1985, no. 17, p. 235–246.

29. ŽIBRITOVÁ G. Multilingvizmus v knižnej kultúre na Slovensku. *Zborník Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského. Knižničná a informačná veda*. (Bratislava), 1999, Ročník 17, p. 135–145.

NATIONAL (ETHNIC) BOOK IN EUROPE LATE IN THE 19TH AND EARLY IN THE 20TH CENTURY

KRZYSZTOF MIGOŃ

Abstract

The concept of the ‘national (ethnic) book’ features rarely in the bibliological literature, nor its precise meaning has been established. The problem of the ethnic affiliation of books is present only in two areas of bibliological theory and practice: in the cultivation of national bibliography and in the determination and realization of tasks of national libraries. Thus, does national (ethnic) book exist in a way national literature or national music do? What are the features of the ethnic book? What elements of the book and what system of the book determine its limits? The criteria to distinguish an ethnic book are not clear-cut. The language of a book is said to determine its ethnic affiliation because it is a feature that distinguishes the nation. However, this crite-

tion is quite frequently insufficient because national cultures are often of a multi-language character; on the other hand, the “major” languages serve different nations. The notion of a national book appeared contemporaneously with the formation of nations and the development of literary national languages. In Europe, the beginnings of the national book are connected with the Renaissance and religious reformation in the 15th and 16th centuries when the first texts printed in ethnic languages were distributed. Meanders of economic, political and cultural development of European societies influenced the processes of emergence of national literature and national publication repertoire, being responsible for marked differences among particular countries. By the end

of the 19th century, a clear pattern in European book culture could be observed. Publications in a few major languages which were state languages of the greatest European powers prevailed. Much less common were books published in languages of the nations that did not enjoy political independence at that time but had a long history of literary tradition. The appearance, quantitative growth and qualitative development of book production in languages of newly emergent nations was a new phenomenon enhanced through the 19th century. The bibliographic-statistical approach to the size and nature of the global publishing activities (for books and periodicals), with consideration of particular countries and languages, was attempted by Bolesław Iwiński,

a cooperator of the Institut International de Bibliographie in Brussels, at the International Congress of Bibliography and Documentation which was held there in 1910. Currently, the issue of ethnic book, both at present and with reference to the past, remains in the focus of both linguistics (Harald Haarmann, Kenneth Shearer) and political science, bibliography, other humanities and social sciences. An answer to the questions about the quantitative extent of printing production of a given nation, specific types of books, particular national features of the circulation and reception of books considerably enriches the national culture knowledge resources. The role of the book in the nation-formation processes is an important evidence in favour of the ethnic view on the book.

XIX A. PABAIGOS–XX A. PRADŽIOS EUROPOS NACIONALINĖ (ETNINĖ) KNYGA

KRZYSZTOF MIGOŃ

Santrauka

Nacionalinės (etninės) knygos samprata retai pasitaiko knygotyros literatūroje, o jos tiksliai prasmė dar nenustatyta. Knygos etninės prieskyros problema aptariama tik dviejose knygotyros teorijos ir knygoininkystės srityse: nacionalinės bibliografijos kontekste bei apibrėžiant ir vykstant nacionalinių bibliotekų uždavinius. Taigi kyla klausimas, ar nacionalinė (etninė) knyga egzistuoja ta prasme, kuria kalbame apie nacionalinę literatūrą ar nacionalinę muziką? Kokie yra etninės knygos bruožai? Kokie knygos ir knygos sistemos elementai nustato jos ribas? Etninės knygos išskyrimo kriterijai nėra aiškūs. Sakoma, kad etninę knygos priklausomybę lemia jos kalba, nes tai bruožas, apibūdinantis tautą. Tačiau dažnai kalbos kriterijus yra nepa-

kankamas, nes knygos tautinė kultūra dažnai yra daugiakalbė arba, antra vertus, „didžiosios“ kalbos aptarnauja skirtingas tautas. Tautinės knygos samprata atsirado tuo metu, kai formavosi nacijos ir plėtojosi literatūros tautinėmis kalbomis. Europoje nacionalinės knygos pradžia siejama su Renesanso laikotarpiu ir reformacija XV–XVI amžiuje, kai pradėjo plisti pirmieji tekstai, spausdinti etninėmis kalbomis. Ekonominiai, politiniai ir kultūriniai Europos visuomenių pokyčiai veikė nacionalinės literatūros radimosi procesus ir nacionalinių leidinių repertuarą, nes aiškiai atskyrė įvairias šalis viena nuo kitos. XIX a. pabaigos Europos knygos kultūroje buvo galima matyti aiškų modelį. Leidiniai keliomis pagrindinėmis kal-

bomis, kurios tapo valstybinėmis galingiausiu Europos junginių kalbomis, užėmė vyraujančią padėtį. Kur kas retesnės buvo knygos kalbomis tų tautų, kurios tuo metu neturėjo politinės nepriklausomybės, nors jų literatūrinės tradicijos istorija ir buvo labai sena. Naujai atsirandančių tautų kalbomis spausdinamų knygų pasirodymas, kiekybinis augimas ir kokybinis tobulėjimas buvo naujas reiškinys, žymėjęs visą XIX amžių. Bolesławas Iwiński, Tarptautinio bibliografijos instituto Briuselyje bendradarbis, panaudojo bibliografinį statistinį metodą ištirti pasaulinės leidybos (knygų ir periodinių leidinių) apimtį ir prigimtį. Ypačingą dėmesį jis kreipė į leidybos šalis ir kalbas.

Jo pranešimas buvo perskaitytas Tarptautiniame bibliografijos ir dokumentacijos kongrese 1910 metais. Šiuo metu etninės knygos problematiką (šiuolaikinę ir praeities) tyrinėja kalbotyros (Haraldas Haarmannas, Kennethas Sheareris), politikos mokslo, knygotyros, kitų humanitarinių ir socialinių mokslų specialistai. Atsakymas į klausimą apie tam tikros tautos spausdintos produkcijos kiekybę, ypatingus knygų tipus bei nacionalinius knygos platinimo ir suvokimo bruožus esmingai praturtina nacionalinės kultūros žinių išteklius. Knygos vaidmuo tautos formavimosi procese yra svarbus įrodymas, leidžiantis pagrįsti etninės knygos tyrimų žiūrą.

Įteikta 2009 m. kovo mėn.